

Ю.В. Симачев, А.А. Федюнина, В.А. Светова

Россия под санкциями: теневая экономика – фактор гибкости?

УДК 330.3, 338.2

Аннотация. В статье обсуждается феномен существования теневого сектора в национальных экономиках под воздействием экономических шоков. На основе международного опыта доказывается, что теневой сектор далеко не всегда растет под воздействием кризисов и санкций. Это зависит от природы последних, отраслевой структуры сектора, а также отношения к нему со стороны органов власти и регуляторной практики. Показано, что в российской экономике в периоды структурных кризисов (1990-е, пандемия 2020 г., санкции 2015 и 2022 гг.) воздействие на теневой сектор было сложным и разнонаправленным. Авторы выделяют набор условий, при которых теневой сектор может смягчать удар экономических шоков, среди них: широкий охват малого бизнеса, возможность перетока рабочей силы между теневой и легальной частями экономики, низкая регуляторная нагрузка и способность бизнеса адаптировать организационные модели. Авторы заключают, что относительно мягкое регулирование в ближнесрочной перспективе может создать условия, при которых теневой сектор может при умеренном изменении масштабов стать стабилизатором в ситуации санкционного давления и фактором гибкой адаптации экономики к новым условиям.

Ключевые слова: санкции; эффекты санкций; структурные сдвиги; экономический рост

Введение

Существование теневого оборота неразрывно связано с экономической деятельностью по всему миру¹. При этом масштабы теневого сектора в национальных экономиках значительно отличаются: от приемлемых и относительно безобидных до чрезвычайно разрушительных, препятствующих позитивным структурным

¹ Пользуясь классическим определением [Shneider, 2010], под теневой экономикой будем понимать совокупность всех рыночных легальных производственных деятельностей, которые умышленно утаиваются от государственных органов по одной или нескольким причинам: для уклонения от уплаты налогов и/или взносов в социальное страхование; от соблюдения правовых стандартов рынка труда (таких как минимальные зарплаты, максимальное количество рабочих часов, стандарты безопасности и т.д.); а также определенных административных процедур (таких как заполнение статистических опросников или административных форм). Теневую экономику следует отличать от черного рынка, под которым принято понимать производство и предоставление нелегальных товаров и услуг.

изменениям и устойчивому экономическому росту. Вопросы роли и масштабов теневой экономики особенно обостряются в периоды экономических шоков, когда усиливается потребность в координации национального хозяйства, контроле за отдельными секторами и происходящими на фоне экономической волатильности структурными изменениями [Arandarenko, 2015].

Широко распространено мнение, что во времена экономических шоков теневая экономика может быть не только следствием, но и причиной экономического спада. Так, в одном из исследований на примере Сербии показано формирование порочного круга [Schneider et al., 2015]: рецессия приводит к переходу бизнеса из формального сектора в теневой, что снижает налоговые поступления, ведет к фискальному дефициту, и это, в свою очередь, вынуждает правительство поднимать налоги и стимулирует расширение теневого сектора.

Однако в действительности все не так однозначно. Теневая экономика может рассматриваться как механизм гибкой адаптации, например, в период внешних экономических санкций, накладывающих жесткие ограничения на деятельность отдельных секторов национального хозяйства. В этом случае теневой сектор может обеспечивать создание и расширение производств тех товаров и услуг, которые не могут быть легально произведены под жесткими санкционными ограничениями.

Проблематика масштабов теневого сектора экономики России в последние три десятилетия притягивала внимание многих исследователей (см., например, [Барсукова, Радаев, 2012; Гоцкая, 2015; Иванова, 1999; Мацневский, 2010; Невзорова и др., 2020; Сараджева, 2013; Симачев, 1997; Яковлев, 2000]). Однако при обсуждении проблем существования и развития теневого сектора отсутствуют комплексные исследования, рассматривающие его роль в периоды экономических шоков, хотя можно назвать несколько работ, посвященных влиянию кризиса на теневую экономику. Так, ряд авторов [Агарков и др., 2009; Найденов, Кривенко, 2013] дают оценки расширения теневого сектора для регионов Уральского федерального округа после мирового кризиса 2008–2009 гг., другие [Куницына, Джиев, 2023] исследуют изменение неформальной занятости в субъектах РФ под влиянием пандемии коронавируса.

В 2022 г. российская экономика столкнулась с небывалым уровнем санкционного давления. Очевидным следствием этого

должно было бы стать расширение ее теневого сектора. По крайней мере, именно о таком развитии событий свидетельствует опыт Югославии и Ирана [Farzanegan, Fischer, 2021; Schneider et al., 2015]. Однако опыт этих двух стран вряд ли в полной мере может быть перенесен на российскую почву – Россия оказалась под санкциями в совершенно ином состоянии (с точки зрения структуры и особенностей организации отдельных секторов), в иной для мировой экономики этап развития (например, в части проникновения цифровых технологий), а также имея в наличии довольно сильные институты по борьбе с тевым оборотом.

В настоящей статье предпринята попытка суммировать имеющиеся свидетельства о влиянии экономических шоков на теневой сектор, при этом особое внимание уделяется воздействию санкций. Ключевые вопросы настоящего исследования: всегда ли экономические шоки приводят к росту теневого сектора? В каких случаях это не так, и в экономической политике не следует, вопреки общим представлениям, ужесточать регулирование для сжатия теневого сектора?

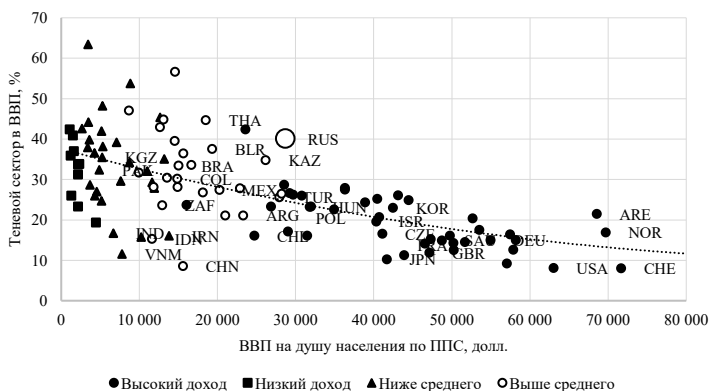
Воздействие экономических шоков на теневой сектор

Теневой сектор в мировой экономике имеет существенные размеры – по некоторым оценкам [Medina, Schneider, 2019], в среднем по всем странам в период 1991–2017 гг. он составлял 30,9%. Относительный размер теневого сектора меньше в государствах с высоким уровнем дохода – около 19%. В странах с низким доходом, ниже среднего и среднего уровня он оценивается примерно в 32–34% (рис. 1), при этом в этих группах более выражены межстрановые различия.

Относительный размер теневой экономики в мире с 1960-х гг. постепенно растет, однако он довольно волатилен и в отдельные (относительно короткие) периоды может расширяться и сужаться, что, по всей видимости, отражает его следование бизнес-циклам формального сектора [Petrescu, 2016].

Исследователи пока не пришли к единому мнению о взаимосвязи экономических флуктуаций, вызванных шоками разной природы, и размеров теневой экономики [Nguyen et al., 2020], но в большинстве работ прослеживается мысль, что теневая экономика препятствует росту формального сектора и создает

дополнительные риски для устойчивости экономики во время экономических шоков.

Примечание. Коды стран указаны в соответствии с международным стандартом ISO. Данные указаны за последний доступный год.

Источник. Построено авторами, на основе данных [Elgin et al., 2021], Всемирного банка.

Рис. 1. Размер теневого сектора и подушевой ВВП в мировой экономике, %

Недооценка размеров теневой экономики сказывается на состоянии формального сектора. Например, может увеличивать его волатильность [Restrepo-Echavarría, 2014] и замедлять темпы восстановления. В странах с относительно большим размером теневого сектора наблюдается более высокая волатильность выпуска, инвестиций и потребления в течение делового цикла [Ferreira-Tiryaki, 2008]. Это объясняется тем, что фирмы в теневом секторе, как правило, имеют малый размер и ограниченный доступ к кредитным ресурсам, что делает их более уязвимыми в условиях экономических шоков. Кроме того, во время экономического кризиса теневой сектор может привлекать предприятия формальной экономики [Schneider, 2010], что будет приводить к замедлению восстановления объемов производства до докризисного уровня.

Однако теневая экономика далеко не всегда увеличивает экономическую нестабильность. Именно малый размер предприятий в теневом секторе определяет, что они являются более гибкими

в адаптации к кризисным явлениям [Liao and Barnes, 2015]. При этом даже если теневой малый бизнес закрывается под воздействием кризисных явлений, совокупное влияние сжатия предприятий неформального сектора на экономику может быть меньше по сравнению с эффектом сокращений в формальном секторе [Audia, Henrich, 2006]. В совокупности это позволяет утверждать, что теневая экономика может служить неким стабилизатором национальной экономической системы в шоковых условиях.

Выделяют, по меньшей мере, три канала связи двух секторов, объясняющих, почему правительства далеко не всегда заинтересованы в сокращении неформальной экономики [Schneider, Klinglmaier, 2004]: (1) теневой сектор связан цепочками создания стоимости с формальным, поэтому генерируемая в нем добавленная стоимость может влиять на рост ВДС и ВВП; (2) потери от налоговых сборов в результате существования теневой экономики могут частично компенсироваться за счет того, что генерируемые ею доходы тратятся на приобретение товаров и услуг в формальном секторе; (3) если в теневом секторе заняты резиденты национальной экономики, получаемые ими доходы способствуют росту уровня жизни населения.

Расхождения исследователей из разных стран во взглядах на роль и значение теневого сектора в условиях воздействия экономических шоков на хозяйство той или иной страны, вероятно, объясняются тем, что это воздействие неоднородно и зависит от уровня развития конкретной экономики и относительных масштабов ее теневой части. Так, в одной из работ [Schneider, Klinglmaier, 2004] показано, что увеличение теневой экономики на 1% снижает темпы роста ВВП в развивающихся странах на 0,6% и, напротив, увеличивает на 0,8 и 1,0% в развитых и переходных экономиках. Авторы другой работы [Nguyen et al., 2020] установили, что во времена экономической нестабильности взаимосвязь размера теневого сектора и волатильности ВВП имеет перевернутую U-образную форму. В странах с относительно небольшим теневым сектором его рост увеличивает экономическую нестабильность. Напротив, в странах с относительно большой неформальной экономикой рост теневой деятельности является комплементарным и позволяет стабилизировать динамику ВВП, смягчая существенные падения.

Теневой сектор под влиянием санкционных шоков

Характер влияния кризисов на теневой сектор экономики и обратного влияния теневого сектора на посткризисное развитие может существенно варьировать по странам. Критически значимыми здесь представляются такие факторы, как структура экономики, особенности производственной организации отраслей и качество институтов (в частности – жесткость регулирования и информента). В исследовательской и экспертной литературе есть также примеры роста теневого сектора под влиянием санкций (в частности, в Гаити [Gibbons, 1999], Югославии [Hejsek, 2012; Arandarenko, 2015; Arsić, Krstić, 2015], Иране [Farzanegan, Fischer, 2021]). Чрезвычайно убедительной представляется работа [Early, Peksen, 2019], авторы которой на широком спектре оценок и проверок устойчивости на данных за период с 1971 по 2005 гг. показывают, что экономические санкции приводят к росту неформальной экономики стран-объектов.

В общем случае считается, что санкции стимулируют рост теневой экономики, поскольку нарушают цепочки создания стоимости, усложняют финансовые расчеты и логистику предприятий. Это привлекает в теневой сектор те предприятия, чьи прерогативы выживания делают их более терпимыми к сопутствующим с работой в «тени» рискам [Early, Peksen, 2019].

При этом расширение теневого сектора возможно не только в подсанкционной экономике, но подчас и в экономике отпавителей санкций, предприятия которой, стремясь сохранить рынок сбыта, идут на нарушение санкционных ограничений. В таких случаях часто привлекаются посредники из третьих стран, которые помогают скрыть реальное происхождение продукции, проводят финансовые операции в обход действующих ограничений, предоставляют подставные компании, перерегистрируют суда под «нейтральным» флагом и пр. (см., например, обзор способов обхода санкций иранским бизнесом [Dubowitz, 2012]). Отметим, что издержки и риски, связанные с обходом санкционных ограничений, одновременно являются сдерживающим фактором для роста теневой экономики [Buehn, Farzanegan, 2012].

В целом, в исследуемом вопросе многое решает отношение к теневому сектору органов власти. Нередко правительство подсанкционной экономики терпимо относится к деятельности

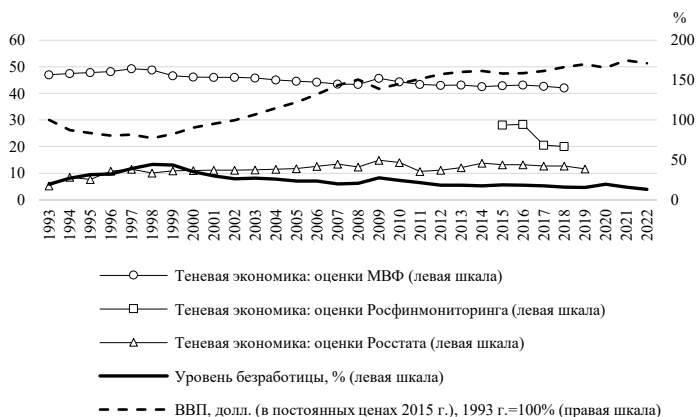
теневого сектора, и даже несколько ослабляет контроль, чтобы помочь бизнесу обойти санкции и смягчить для него шок. В то же время это может дорого обойтись государству, ведь недополученные налоги обостряют дефицит государственного бюджета, так что у правительства есть стимулы для ограничения роста неформальной экономической активности [Early, Peksen, 2019].

Свидетельства и следствия для России

Рассматривая литературу, посвященную исследованиям теневого оборота в российской экономике, нельзя не отметить малочисленность и неоднозначность существующих оценок его масштабов. Последние значительно разнятся в зависимости от используемого метода. МВФ и Всемирный банк применяют косвенные методы оценивания на основе структурных моделей (например, модель множественных показателей и множественных причин (МММС)) или динамических моделей общего равновесия. Согласно их данным за 2018 г., размер теневого сектора в России превышал 40% (40,1 и 42,1% ВВП соответственно) [Elgin et al., 2021].

Росфинмониторинг в оценку теневого сектора включает, помимо прочего, серый импорт, сокрытие доходов от уплаты налоговых и таможенных платежей и выплату серых зарплат. По его данным, на 2019 г. теневой сектор составлял 20% ВВП. Методика Росстата учитывает не только уклонение от уплаты налогов и другие очевидные факторы, но и производство товаров и услуг для собственного потребления. Согласно его оценкам, размер теневой экономики составляет около 11,6% российского ВВП. Центробанк России не оценивает размеры теневого сектора, но дает оценки объемов подозрительных операций в банковском секторе с признаками вывода денежных средств за рубеж, подозрительных наличных операций во всех секторах экономики, а также спроса на теневые финансовые услуги со стороны различных секторов российской экономики².

² См. например, ежегодные материалы ЦБ РФ «Структура подозрительных операций и секторы экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги». URL: <https://cbr.ru/analytics/pdf/>

Примечание. Использованы данные за последний доступный год.

Источник. Построено авторами по данным [Elgin et al., 2021], Всемирного банка, Росстата.

Рис. 2. Теневой сектор, уровень безработицы и рост ВВП в России (1993–2022 гг.)

Проблема не столько в расхождении количественных оценок, сколько в том, что ни одна из них не дает корректного отражения теневого сектора. Так, оценка Росстата наряду с теневым сектором включает и часть экономики, которая не измеряется прямыми статистическими методами, например, индивидуальных предпринимателей. Росфинмониторинг, напротив, в существенной мере ориентирован на оценку масштабов легализации преступных доходов, предотвращение финансирования террористической деятельности. Логично, что его оценка включает уже не только теневую, но и «черную» экономику (нелегальные и даже преступные виды деятельности). Центробанк России оценивает только часть теневого оборота, связанного с подозрительными финансовыми операциями. Да и последние выделяются на основе некоторых критериев, вытекающих из типовых, общепринятых практик. Соответственно, в период перестройки экономики, трансформации отдельных секторов такая оценка может быть завышенной.

Оценка воздействия кризисов на теневую экономику затрудняется также тем, что в такие периоды обычно происходят резкие

институциональные изменения (рост или снижение налогов, введение новых налоговых режимов, новации в отраслевом регулировании и пр.), которые тоже влияют на масштаб и отраслевую структуру теневого оборота. При этом крайне сложно отделить воздействие собственно кризиса и решений в рамках экономической политики³.

Тем в менее на основе данных, представленных на рисунке 2, мы видим, что в российской экономике в периоды финансовых кризисов 1999 и 2009 гг. масштабы теневого сектора увеличивались. Скорее всего, это было связано с тем, что сложные внешние условия, ужесточение финансовой политики подтолкнули бизнес (в первую очередь – малый) к «теневилизации» своей деятельности для снижения уровня эффективной (действующей) налогово-таможенной нагрузки. В то же время, если государство в периоды кризисов предлагает масштабные и эффективные механизмы господдержки, дополнительно стимулирует спрос в экономике через госзакупки, то мотивации к «теневилизации» деятельности могут стать менее значимыми.

Более сложным и менее предсказуемым является влияние на теневой сектор структурных кризисов⁴, к которым, по нашему мнению, в России можно отнести четыре: (1) связанный с перестройкой и рыночной трансформацией российской экономики в начале 1990-х гг.; (2) вызванный острой фазой пандемии COVID19 – 2020 г.; (3) возникший вследствие первой волны санкций – 2015 г.; (4) обусловленный второй волной санкций – 2022 г.

Одно из отличий структурных кризисов от финансовых состоит в том, что они часто затрагивают вполне, казалось бы, финансово благополучные компании. Так, и пандемия, и санкции нанесли удар прежде всего по наиболее конкурентоспособным компаниям и отраслям вследствие возникновения внешних ограничений и на спрос, и на предложение.

Заметим, что изменения в теневом обороте в период кризисов обычно коррелируют с динамикой безработицы (рис. 2). Это

³ Так, в 2021 г. после увеличения на 20% акцизного налога на табачную продукцию существенно возрос оборот теневого онлайн-рынка. URL: <https://www.facct.ru/media-center/press-releases/illegal-tobacco-market-2022/>

⁴ Структурные кризисы, как правило, связаны с перестройкой отраслевой структуры экономики, ее производственной организации, системы связей, регулирования, отличаются сильно выраженным секторальным эффектом, когда отдельные секторы могут получать преимущества для развития.

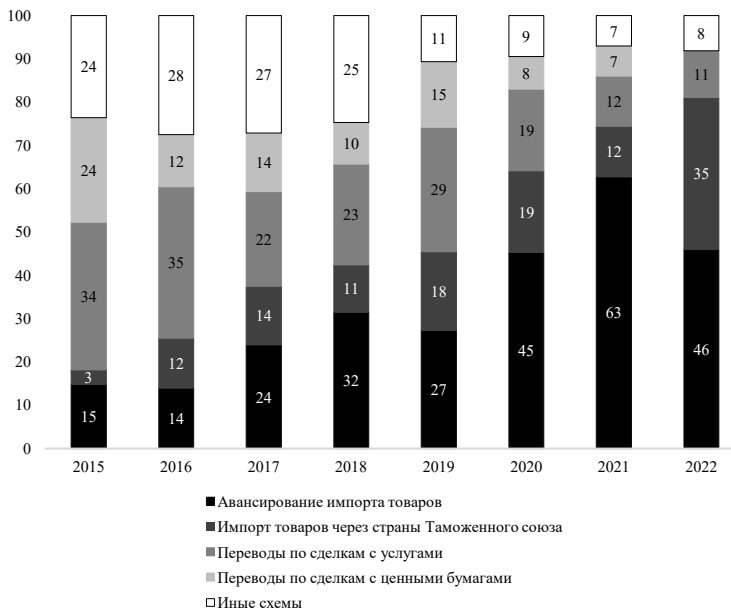
особенно хорошо заметно в перестроечные годы (1993–1997 гг.) и в период финансового кризиса и первых лет посткризисного развития (2008–2011 гг.). Однако такая связь часто разрывается в периоды структурных кризисов ввиду действия сильных внеэкономических факторов. Например, применительно ко второй волне санкций отмечается, что безработица в 2022 г. снизилась, что могло быть следствием частичной мобилизации, оттока части населения за рубеж, расширения загрузки мощностей ВПК.

Судя по данным Центробанка России, в начале второй волны санкционного кризиса впервые за последние восемь лет нарушился тренд к снижению объема подозрительных операций с признаками вывода денежных средств за рубеж (рис. 3). Если с 2015 г. его уровень снижался годовыми темпами в пределах 13–46%, то в 2022 г. наблюдался пусть и небольшой, но прирост на 3% по сравнению с уровнем 2021 г. (до 64 млрд руб.). В объеме подозрительных операций в 2022 г. сократилась доля авансирования импорта – это логичное следствие сжатия деловых отношений с традиционными странами-импортерами, которые присоединились к санкциям, но при этом резко (с 12% в 2021 г. до 35% в 2022 г.) расширился вклад импорта товаров через страны Таможенного союза, что свидетельствует о существенной перестройке логистических и кооперационных цепей. При этом вполне возможно, что в «подозрительные операции» попали вполне легальные, но выходящие за рамки привычных практик действия российских компаний в условиях санкций.

Структурные кризисы в зависимости от своей природы могут приводить к различным эффектам для теневого сектора, так как изменения в масштабах теневого оборота по отраслям существенно зависят от особенностей их организации, регулирования, размеров предприятий. В 2018 г., исходя из оценок Росстата, теневой оборот был более распространен в таких секторах, как операции с недвижимостью, сельское хозяйство и рыболовство, торговля и ремонт автотранспорта, строительство. На основе оценок Центробанка России можно заключить, что основной спрос на теневые финансовые услуги формируется в строительстве, торговле, секторе услуг⁵, при этом в последнем спрос на такие

⁵ Раздел официального сайта ЦБ РФ по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма. URL: https://cbr.ru/analytics/podfit/resist_sub/2022/

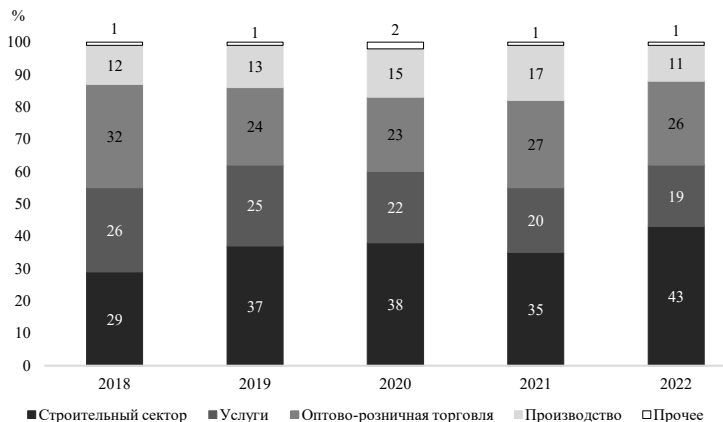
операции устойчиво снижается на протяжении 2018–2022 гг. (с 26% от общего спроса секторов на теневые финансовые услуги в 2018 г. до 19% в 2022 г.), тогда как спрос и доля строительного сектора, напротив, растут (особенно заметно – с началом второй волны санкций) – за тот же период с 29% до 43% (рис. 4).

Источник. Построено авторами по данным Центробанка России.

Рис. 3. Структура подозрительных операций с признаками вывода денежных средств за рубеж (2015–2022 гг.), %

Структурные кризисы различаются между собой по направлениям воздействия на экономику, это обуславливает специфику их взаимодействия с теневым сектором. Так, пандемический кризис оказал более негативное влияние на сферу услуг, мелкие компании, тогда как санкционный кризис сильнее навредил деятельности крупных игроков, интегрированных в глобальную экономику.

Источник. Построено авторами по данным Центробанка России.

Рис. 4. Структура спроса различных секторов российской экономики на теневые финансовые услуги (2018–2022 гг.),%

Каковы основные эффекты (каналы) воздействия кризисов на теневой сектор? От чего зависит направленность изменений?

Во-первых, это определяется степенью воздействия кризиса на малый бизнес, так как именно малые фирмы, индивидуальные предприниматели могут с меньшими издержками как «теневицировать», так и легализовать свою деятельность⁶ (возможности более крупных компаний в этом ограничены вследствие довольно жесткого контроля со стороны налоговых и различных надзорных органов, накопления истории об их деятельности).

Во-вторых, большое значение имеет возможность перетока рабочей силы из теневого сектора в легальный и наоборот⁷. Например, «белый» (формальный) сектор вследствие возникающих рабочих мест при расширении госзаказов может аккумулировать

⁶ Здесь необходимо отметить, что, как правило, фирмы не регистрируют лишь часть своего оборота, при этом на их уровне происходит некоторая балансировка в зависимости от внешних условий масштабов официальной и теневой деятельности.

⁷ Опять же отметим, что это необязательный формальный переход – человек может быть сотрудником какой-либо «белой» фирмы, но при необходимости подрабатывать неформальными услугами (например, репетиторством). Что касается неформальных услуг, то прогресс в «обелении» данной деятельности связан с введением в конце 2018 г. института самозанятых.

часть рабочей силы из теневого сектора. Напротив, при ограничениях в развитии крупных компаний человеческий капитал из этой части экономики может стать основой для расширения неформального сектора (в том числе за счет увеличения числа индивидуальных предпринимателей и т.п.).

В-третьих, кризисы, подталкивая перестройку экономики, могут создавать некую новую среду для развития теневого оборота, особенно если регулирование не успевает за такими изменениями. Так, пандемический кризис стимулировал предприятия, предпринимателей к изменению моделей ведения бизнеса, форматов продаж, применению онлайн-платформ для торговли, что в свою очередь может использоваться для расширения объемов нерегистрируемого оборота.

В этой связи возникает нетривиальный вопрос для государства: как в условиях кризиса реагировать на теневой сектор, ужесточать для него условия или, напротив, смягчать регуляционные рамки. Например, в период острой фазы пандемии многие малые предприятия, несмотря на действующие ограничения, продолжали работать. Да, при этом мог расширяться теневой оборот, но обеспечивалась социальная стабильность, занятость, сохранялись команды.

В период второй волны санкционного кризиса вопрос отношения государства к теневому сектору становится еще более сложным. С одной стороны, есть некоторые факторы, способствующие легализации экономики – расширение госзаказа для промышленности и рост занятости в «белом» секторе (в частности, сократился спрос промышленности на теневые финансовые услуги с 17% в 2021 г. до 11% в 2022 г. – см. рис. 4), вырос потенциал небольших компаний по включению в сети субподряда крупных компаний, увеличились возможности по расширению деятельности на рынках, освободившихся после ухода части иностранных конкурентов.

С другой стороны, есть и противоположные факторы. Во-первых, при расширении параллельного импорта⁸ создаются предпосылки для появления контрафактной продукции, что особенно чувствительно для населения, так как потребителю

⁸ Параллельный импорт – это ввоз в страну легальной продукции без согласия правообладателей/производителей.

сложно отличить параллельный импорт легальной продукции от ее подделок. Во-вторых, санкционный кризис обусловил необходимость кардинальной перестройки кооперационных цепочек многих компаний, применения новых схем расчетов, что привело государство к необходимости смягчения отдельных критериев подозрительных операций⁹, однако нельзя исключить появление при этом новых каналов для теневого оборота.

При явном недостатке эмпирических свидетельств, но с учетом многообразия и специфики эффектов взаимодействия кризисов и теневого оборота, мы можем сформулировать общие рекомендации, которые, по нашему мнению, облегчат прохождение российской экономики через санкционный период:

1) в период кризисов очень важно не поднимать налоги (и иные обязательные платежи), иначе формируется дополнительный запрос на теневой рынок со стороны и покупателей, и производителей;

2) регулирование в период интенсивной трансформации цепочек добавленной стоимости должно стать более мягким, вариативным, это облегчит адаптацию экономики к кардинально изменившимся условиям;

3) при мягком регулировании теневой сектор может выполнять роль стабилизатора в смягчении дефицита на рынках отдельных товаров, заполнении ниш на рынках товаров, услуг и рынке труда при уходе зарубежных производителей. Однако кроме самой структуры теневой экономики следует также обращать внимание на ее связанность с официальной экономикой. Отсутствие или недостаточная плотность таких связей могут склонить чашу весов в другую сторону, когда теневой сектор становится, прежде всего, источником негативных эффектов;

4) важно, чтобы и в период выхода из кризиса для задействования потенциала роста сохранялось мягкое регулирование, допускающее различные траектории развития бизнеса;

5) несмотря на все сложности, необходимо контролировать некоторый устойчивый порог теневого оборота и его

⁹ Банк России в июле 2022 г. в рамках поддержки внешнеэкономической деятельности, создания новых логистических цепочек по импорту отменил 30%-й лимит по авансовым платежам в пользу нерезидентов по импортным контрактам. Лимит действовал с апреля 2021 года в отношении услуг, работ, а также результатов интеллектуальной деятельности. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14029>

секторальную структуру, не допуская его перехода в разряд основных целей деятельности компаний.

Литература/References

Агарков Г.А., Найденов А.С., Чусова А.Е. Влияние социально-экономических последствий мирового экономического кризиса на теневой сектор экономики региона // Экономика региона. 2009. № 4. С. 207–211.

Agarkov, G.A., Naydenov, A.S., Chusova, A.E. (2009). The Impact of Socio-Economic Consequences of the Global Economic Crisis on the Shadow Economy of the Region. *Economy of Region*. No. 4. Pp. 207–211. (In Russ.).

Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 99–111.

Barsukova, S., Radaev, V. (2012). Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *The European Electronic Newsletter «Economic Sociology»*. Vol. 13. No. 2. Pp. 4–12. (In Russ.).

Гоцкая Н.Р. Динамика распространения теневой экономики в России // Вестник университета. 2015. № 8. С. 99–102.

Gotskaya, N.R. (2015). distribution dynamics of the shadow Economy in Russia. *Vestnik Universiteta*. No. 8. Pp. 99–102. (In Russ.).

Иванова А.Б. Исследование причин распространения теневой экономики в России // Экономический журнал ВШЭ. 1999. Т. 3. № 4. С. 543–568.

Ivanova, A.B. (1999). Theoretical Reasoning for the Expansion of the Illegal Economy in Russia. *HSE Economic Journal*. Vol. 3. No. 4. Pp. 543–568. (In Russ.).

Куницына Н.Н., Джиоев А.В. Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 2. С. 437–450.

Kunitsyna, N.N. & Dzhiyev, A.V. (2023). Dependence of Informal Employment on Population Income in Russian Regions: Lessons from the Pandemic. *Economy of Region*. Vol. 19. No. 2. Pp. 437–450. (In Russ.).

Мацевский Н.С. Теневая экономика: анализ и оценки // Известия ТПУ. 2010. Т. 316. № 6. С. 22–29.

Matsievsky N.S. (2010). Shadow Economy: Analysis and Assessments. *Izvestiya TPU*. Vol. 316. No. 6. Pp. 22–29. (In Russ.).

Найденов А.С., Кривенко И.А. Теневая экономика в условиях экономического кризиса: диагностика состояния и прогнозирование последствий // Экономика региона. 2013. № 1. С. 46–53.

Naydenov, A.S., Krivenko, I.A. (2013). Shadow Economy in the Context of Economic Crisis: Circumstance Analysis and the Forecasting of Consequences. *Economy of Region*. No. 1. Pp. 46–53. (In Russ.).

Невзорова Е.Н., Киренко А.П., Майбуров И.А. Пространственные взаимосвязи и закономерности распространения теневой экономики в России // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 2. С. 464–478.

Nevezorova, E.N., Kireenko, A.P. & Mayburov, I.A. (2020). Spatial Correlation and Patterns of Distribution of the Shadow Economy in Russia. *Economy of Region*. Vol. 16. No. 2. Pp. 464–478. (In Russ.).

Сараджева О.В. Теневая экономика в России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 222–231.

Saradzheva, O.V. (2013). Shadow Economy in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. No. 7. Pp. 222–231. (In Russ.).

Симачев Ю. Теневая деятельность частных предприятий // Вопросы статистики. 1997. № 7. С. 23–27.

Simachev, Yu. (1997). Informal Activity of Private Enterprises. *Voprosy Statistiki*. No. 7. Pp. 23–27. (In Russ.).

Яковлев А. Почему в России возможен безрисковый уход от налогов // Вопросы экономики. 2000. № 11. С. 134–152.

Yakovlev, A. (2000). Why Risk-Free Tax Evasion is Possible in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. Pp. 134–152. (In Russ.).

Arandarenko, M. (2015). *The shadow economy: Challenges to economic and social policy*. In: G. Krstić, F.F. (Eds), Formalizing the shadow economy in Serbia: Policy measures and growth effects. Springer Open. Pp. 5–12.

Arsić, M. and Krstić, G. (2015). *Effects of Formalisation of the Shadow Economy*. In: G. Krstić, F.F. (Eds), Formalizing the Shadow Economy in Serbia: Policy Measures and Growth Effects. Pp. 101–107.

Audia, P.G., Henrich, R.G. (2006). Less likely to fail: Low performance, firm size, and factory expansion in the shipbuilding industry. *Management Science*. Vol. 52. No. 1. Pp. 83–94.

Buehn, A. and Farzanegan, M.R. (2012). Smuggling around the world: evidence from a structural equation model. *Applied Economics*. Vol. 44. No. 23. Pp. 3047–3064.

Dubowitz, M. (2012). So You Want to Be a Sanctions-Buster. Foreign Policy, August. Available at: <https://foreignpolicy.com/2012/08/10/so-you-want-to-be-a-sanctions-buster/>

Early, B. and Peksen, D. (2019). Searching in the shadows: The impact of economic sanctions on informal economies. *Political Research Quarterly*. Vol. 72. No. 4. Pp. 821–834.

Early, B.R. and Peksen, D. (2020). Shadow economies and the success of economic sanctions: Explaining why democratic targets are disadvantaged. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 16. No. 3 Pp. 353–372.

Elgin, C., Kose, M.A., Ohnsorge, F. and Yu, S. (2021). DP16497 Understanding Informality. Also Available at: <https://cepr.org/publications/dp16497>

Farzanegan, M.R., Fischer, S. (2021). Lifting of International Sanctions and the Shadow Economy in Iran – A View from Outer Space. *Remote Sensing*. No. 13. P. 4620.

Ferreira-Tiryaki, G. (2008). The informal economy and business cycles. *Journal of Applied Economics*. Vol. 11. No. 1. Pp. 91–117.

Ferreira-Tiryaki, G. (2008). The informal economy and business cycles. *Journal of Applied Economics*. Vol. 11. No. 1. Pp. 91–117.

Gibbons, E.D. (1999). *Sanctions in Haiti: Human rights and democracy under assault*. Vol. 177. Greenwood Publishing Group.

Hejsek, J. (2012). The impact of economic sanctions on civilians: case of the Federal Republic of Yugoslavia. *The science for population protection*. Vol. 4. No. 2. Pp.1–13.

Horvath, J. (2018). Business cycles, informal economy, and interest rates in emerging countries. *Journal of Macroeconomics*. Vol. 55. Pp. 96–116.

Liao, Y., Barnes, J. (2015). Knowledge acquisition and product innovation flexibility in SMEs. *Business Process Management Journal*. Vol. 21. No. 6. Pp. 1257–1278.

Medina, L. and Schneider, F. (2019). *Shedding Light on the Shadow Economy: A Global Database and the Interaction with the Official One*. No. 7981. CESifo.

Nguyen, C.P., Schinckus, C., & Thanh, D.S. (2020). Economic fluctuations and the shadow economy: A global study. *Global Economy Journal*. Vol. 20. No. 03. P. 2050015.

Petrescu, I. (2016). The effects of economic sanctions on the informal economy. *Management Dynamics in the Knowledge Economy*. Vol. 4. No. 4. Pp. 623–648.

Restrepo-Echavarria, P. (2014). Macroeconomic volatility: The role of the informal economy. *European Economic Review*. Vol. 70. Pp. 454–469.

Restrepo-Echavarria, P. (2014). Macroeconomic volatility: The role of the informal economy. *European Economic Review*. Vol. 70. Pp. 454–469.

Schneider, F. (2010). *The influence of the economic crisis on the shadow economy in Germany, Greece and the other OECD countries in 2010: what can be done*. Institute of Economics, Johannes Kepler University of Linz.

Schneider, F., Klinglmaier, R. (2004). *Shadow Economies around the World: What Do We Know?* CESifo Working Paper. No. 1043.

Schneider, F., Krstić, G., Arsic, M., Randelović, S. (2015). *What Is the Extent of the Shadow Economy in Serbia?* In: G. Krstić, F.F. (Eds), *Formalizing the Shadow Economy in Serbia: Policy Measures and Growth Effects*. Pp. 47–75.

Статья поступила 25.08.2023

Статья принята к публикации 01.09.2023

Для цитирования: Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Светова В.А. Россия под санкциями: теневая экономика – фактор гибкости? // ЭКО. 2023. № 12. С. 30–47. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-30-47

Информация об авторах

Симачев Юрий Вячеславович (Москва) – кандидат технических наук, директор по экономической политике, директор Центра исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: yusimachev@hse.ru; ORCID: 0000–0003–3015–3668

Федюнина Анна Андреевна (Москва) – кандидат экономических наук, заместитель директора Центра исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: afedyunina@hse.ru; ORCID: 0000–0002–2405–8106

Светова Виктория Андреевна (Москва) – стажер-исследователь Центра исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: vasvetova@edu.hse.ru

Summary

Yu.V. Simachev, A.A. Fedyunina, V.A. Svetova

Russia under Sanctions: Is Shadow Economy a Factor of Flexibility?

Abstract. The paper reviews the phenomenon of existence of shadow sector in national economies under the influence of economic shocks. On the basis of international experience, it is proved that the shadow sector does not always grow under the influence of crises and sanctions. It depends on the nature of the latter, the sectoral structure of the sector, as well as the attitude of the authorities to it and changes in regulation. It is shown that the impact on the shadow sector in the Russian economy during periods of structural crises (1990s, pandemic in 2020, sanctions in 2015 and 2022) was complex and multidirectional. The authors identify a set of conditions under which the shadow sector can soften the blow of economic shocks, among them: a wide coverage of small businesses, the possibility of labor transfer between the shadow and legal parts of the economy, low regulatory burden and the ability of businesses to adapt organizational models. The authors conclude that relatively mild regulation in the near-term perspective can create conditions under which the shadow sector can, with a moderate change in scale, become a stabilizer under sanctions pressure and a factor of flexible adaptation of the economy to new conditions.

Keywords: *sanctions; effects of sanctions; structural shifts; economic growth*

For citation: Simachev, Yu.V., Fedyunina, A.A., Svetova, V.A. (2023). Russia under Sanctions: Is Shadow Economy a Factor of Flexibility? *ECO*. No.12. Pp. 30–47. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-30-47

Information about the authors

Simachev, Yuri Vyacheslavovich (Moscow) – Candidate of Technical Sciences, Director for Economic Policy, Director Centre for Industrial policy studies, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: yusimachev@hse.ru; ORCID: 0000–0003–3015–3668

Fedyunina, Anna Andreevna (Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Vice-Director Centre for Industrial policy studies, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: afedyunina@hse.ru; ORCID: 0000–0002–2405–8106

Svetova, Victoria Andreevna (Moscow) – Intern Researcher, Centre for Industrial policy studies, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: vasvetova@edu.hse.ru